

О лирике и физике, о том, что делать, и о том, что будет

Влад Жигалов
zhigalov@gmail.com

Проект «Вторая физика»
www.second-physics.ru

Предисловие

Современное состояние культуры в России вызывает чувство досады у тех, кто внутри, и чувство удивления у тех, кто снаружи. Дело даже не в том, что вместо юмора мы имеем "Аншлаг", вместо музыки - "Русское радио" и "Песня года", вместо науки - "Академию наук". Проблема в том, что нам говорят: "А другой музыки, другого юмора, и другой науки у нас нет". Данное эссе - попытка проанализировать, так ли это. Уже из постановки такого вопроса несложно угадать мою позицию.

Вообще-то было бы большой самонадеянностью претендовать на оригинальность мыслей типа "есть многое на свете". Но меня частично оправдывает не вполне обычный подход при их изложении. Я хочу рассмотреть две области культуры, которые, казалось бы, вообще никак не пересекаются и не должны быть связаны: музыка и наука, а точнее физика. Смешивая такие разные темы, я рискую лишиться читателей и из числа "лириков", и из числа "физиков". Но я призываю всё-таки не бросать чтение "физической" части музыкантам и слушателям, а инженерам и учёным смиренно прочитать "музыкальную" часть. В третьей части я попытаюсь связать эти две, на первый взгляд, несвязываемые вещи, а затем пойду ещё дальше и пушусь во все тяжкие.

Часть 1. Лирика

О том, есть ли у нас музыка за пределами ТВ- и радиоэфира, знают немногие. Но, по крайней мере, программные директора радиостанций и телеканалов знают: другой, "неформатной" музыки, много - гораздо больше того, чем эти директора решаются ставить в эфир. "Неформатная" не значит "некачественная". Она просто другая. Для её восприятия надо самому быть немного неформатным: надо уйти от утилитарного восприятия музыки.

Неформатная музыка не может быть фоновой - смысл её слушания заключается в сопереживании совершенно удивительным музыкальным мирам, мало на что похожим. Это очень легко делается на живых концертах, и по большому счёту сейчас в России есть два механизма распространения этой музыки - интернет-самиздат и концерты. Лейблм неинтересно выпускать альбомы никому не известных проектов, стиль которых очень сложно как-то однозначно охарактеризовать. Как правило, такие команды на вопрос "Что вы играете?" - отвечают лаконично: "Музыку", а на вопрос "В каком стиле?" говорят "В своём".

Деревья и столбы

Отличие этой музыки от того, что можно услышать, скажем, на "Русском радио", примерно такое же, как отличается живое дерево от телеграфного столба - оно не унифицируемо, оно живое, и всегда "вылезает". Как живут музыканты неформата? Сколько таких групп? Каково качество их музыки? О чём они поют? Что они играют? Всё это не поддаётся учёту, как не поддаётся учёту каждое дерево в лесу, и не поддаётся учёту сила или красота каждого дерева. Но мало того, что в этот лес мало кто знает дорогу, об этом лесе большинство вообще и не слышали.

Есть проторенные столбовые дороги, вдоль которых стоят поставленные кем-то телеграфные столбы с вполне определённой целью - получение прибыли в очень зачаточном по уровню развития российском шоу-бизнесе. Есть дорога "попсы". Есть дорога "русского рока". Строятся дороги джаза, начинают протаптываться дорожки блюза. Вокруг этих дорог стоят рестораны, заправки, магазины, отели. Но то, что эти дороги лишь ниточки, протянутые через совершенно дикую и неизвестную большинству проезжающих страну, мало кто замечает.

Вовсе не качество музыки определяет сейчас, услышат или не услышат её в эфире. И я пишу не о

большом количестве групп типа "я и мой друг Петя играем панк". Есть много прекрасно играющих команд, без всяких шансов войти в ротацию из-за непривычности их музыки для среднего уха. Программные директора знают пока лишь один критерий - охват аудитории. "Да, интересно, конечно, и даже здорово, но домохозяйки не будут это смотреть/слушать". Средний вкус сейчас довлеет над всем остальным, и всё, что отличается от текущих нео-советских радио-стандартов, отсекается. Этот процесс рано или поздно закичивается: воспитанное таким образом поколение слушателей не будет желать странного, а при таком равнодушии к чему-то новому кормить его можно будет только привычной пищей. В результате мы имеем неосвоенную территорию, а музыканты - эти "живые деревья", чахнут, не получая главного, ради чего они делают музыку - заинтересованного слушателя, который бы разделил их восторг открытия нового.

Замкнутый круг

В столицах иногда ещё как-то можно найти эти группы по клубам, ещё можно услышать какую-то их часть (небольшую) на летних неформатных фестивалях, организуемых энтузиастами на свои деньги (и неизменно уходящие "в минус" по деньгам)¹. Но в целом страна об этой музыке даже не подозревает. У нас очень большие расстояния, и совершенно не развита концертная инфраструктура.

Если музыканты захотят жить с концертов, есть ли у них шансы? Давайте посчитаем. Группа может дать в крупном городе большой концерт раз в год, или в полгода: мало кто будет ходить на концерты одной и той же группы каждый месяц (ну, разве что самые отъявленные фанаты). Приехать в какой-то город команде из нескольких человек отыграть концерт - это как минимум затратить деньги на билеты и гостиницу. Если команда из пяти музыкантов, одного звукорежиссёра и одного директора захочет в месяц иметь тысячу долларов на человека (а у музыкантов - всё как у людей - с возрастом появляется не только опыт, но и семьи, и тогда эта сумма - прожиточный минимум), а концерты играть 10 раз в месяц по разным городам (скажем, в рамках плотного тура), то надо получить с концерта минимум 15 тыс. рублей чистой прибыли. Учтём затраты на недорогие билеты поездом в купе - допустим, 20 тыс. руб на всех, если оптимизировать маршрут тура. Добавим ночь в гостинице - ещё 10 тыс. минимум, ну и на еду ещё 5 тыс. Аренда зала - пусть будет около 10 тыс.

¹ Например, фестиваль «Пустые Холмы» (<http://holmi.ru>)

Получается, что около 60 т.р. надо собрать на билетах, и только четверть при этом пойдёт собственно в карман музыкантам. Это сто билетов по 600 руб (клубная цена на известных музыкантов) или 300 билетов по 200 руб (если рассчитывать на студенческую аудиторию). И я предположил, что концертный менеджер - альтруист, фанат группы, и денег за организацию концерта не возьмёт. И ещё я очень смело предположил, что группа будет колесить в таком режиме всё время, пока музыканты хотят кушать и кормить семью. Ещё я совсем забыл про налоги.

Давайте теперь посмотрим: а как группе в каждом крупном городе найти 100-300 человек, которые придут на концерт? Средства массовой информации? Туда им путь закрыт, невзирая на неизменно стоящие на ушах залы клубов родного города. Интернет? Но этой супердемократичной среды самой по себе не достаточно для того, чтобы музыканты нашли свою аудиторию. Необходима социальная сеть по распространению новой музыки². Причём конкурировать эта сеть будет с агрессивной политикой продвижения очень немногих имён-столбов, которые являются беспроектным вариантом для концертных менеджеров, а это чаще всего или эстрадные советские звёзды, или подгонка под среднее ухо. Концертные менеджеры (т.е. те, кто организуют концерты на местах) - по-хорошему это, прежде всего, бизнесмены, и они, конечно же, не гарантируют мало кому известным группам "М" и "Н", что на них кто-то придёт: риски ложатся на самих музыкантов. Получается ещё один замкнутый круг: люди не слышат новую музыку, потому что она к ним не приезжает, а она до них не доезжает, потому что они её не знают.

Здесь самое время задать простой и ясный вопрос: как из этого замкнутого круга выбраться?

К лесу задом

Но шоу-бизнес стоит спиной не только по отношению к неформатным музыкантам. Зрители оказываются не в лучшем положении: стоимость билетов на раскрученные имена оказывается завышенной, и как оказывается, совсем не в пользу музыкантов, а в пользу того же шоу-бизнеса. Я помню, как отдал чуть ли не 1000 долларов за концерт Роджера Уотерса на Красной площади в 2006 году. Как оказалось, Уотерс и сам был в шоке, и не только от цен на его собственный концерт (в Европе цены на ту же программу были порядка 100

² И попытки выстроить такую сеть уже есть: <http://metafest.ru>

евро). Оказалось, что т.н. танцевальный партер (где цены были более демократичными) был расположен в стороне от сцены, и люди видели группу как-то совсем сбоку, а дорогие места были прямо перед сценой, и они пустовали. Группа в результате играла перед пустым пространством, а основные фанаты, самая активная публика, знающая эти песни наизусть, толпились с краю за загонами. После антракта Уотерс со своей бас-гитарой демонстративно отыграл первую песню, уйдя со сцены в ту часть "зала", благо концертная радиосистема это позволяла. Он пообещал не иметь дела больше с этими организаторами.

А вот пример совсем свежий. Недавно я был на концерте Ирины Богушевской. Ни на радио, ни на телевидении вы не услышите её сейчас, хотя она ведёт активную концертную деятельность и выпускает альбомы. В городах бывшего СССР её концерты идут с неизменным успехом, и всё в порядке с народной любовью, заработанной прекрасными песнями и совершенно чарующим голосом, а также несгибаемостью перед ударами судьбы. Концерт был в клубе «Б2» в центре Москвы. Было довольно тесно - клуб оказался не просто полон, он оказался переполнен: люди стояли вплотную друг к другу, не могли пошевелиться, стояли в проходах и напирала на барные стойки. Стоявшие сзади подпрыгивали, чтобы увидеть сцену. «Б2» - клуб не самый маленький, и стоя как кильки в банке, в духоте, я всё-таки радовался, что ну хоть музыканты будут вознаграждены как следует. На следующий день в своём блоге Ирина написала, что ей было очень приятно видеть столько людей на её концерте, но было неудобно, что люди были в таких нечеловеческих условиях. И ещё она рассказала следующее: клубная администрация, предварительно договариваясь с музыкантами, сказала, что гонорар будет несколько меньше, чем обычно, поскольку время тяжёлое, кризис и т.д. Клубу удалось продать раза в два больше билетов, чем он мог вместить, но гонорар остался тем же: пацаны своё слово держат.

Апофеозом успехов российского шоу-бизнеса на моей памяти был несостоявшийся концерт Эрика Клэптона в Москве на Красной площади летом 2006 года, когда билеты были проданы, но в последний момент между организаторами и Клэптоном возникли разногласия. Билеты (не менее дорогие, чем на Уотерса) возвращены не были - фирма-организатор просто решила раствориться в воздухе.

Я повторю вопрос: что с этим делать? И давайте переключимся на совершенно другую тему.

Часть 2. Физика

Истина и талант не всегда рядятся в одежды закона больших чисел. Как прекрасно сказано, отличие истины от лжи только в том, что она (истина) - не ложь. И если о вкусах можно спорить (хотя это в основном и бесполезное занятие), то как отделить истину от лжи, вроде бы, понятно. Правда, для этого надо иногда очень серьёзно поработать.

В отличие от искусства, которое оперирует впечатлениями, наука оперирует фактами. Учёный знает хорошо: практика - критерий истины. Аргумент учёного, по большому счёту, всего один - соответствие его утверждений результатам эксперимента. Даже математическая красота теории, которая часто приводится как аргумент, не может быть решающим фактором. И вот что самое удивительное в нашей науке: как партия в годы советской власти, так и власть имущие в науке сегодня подвергают именно свидетельства о действительности жесточайшей цензуре, пренебрегая нормами морали совершенно безнаказанно, и при этом цинично оправдывают это тем, что, дескать, они защищают интересы науки. То же самое происходит в средствах массовой информации по отношению к нелояльным к властям силам (тут оправдания менее циничные - политехнологи говорят о "стабильности в обществе" и "преемственности власти"), и примерно то же самое моделирует российский шоу-бизнес (но здесь, например, честность программных директоров радиостанций, по крайней мере, проявляется в том, что они не оправдывают такую позицию никакими высокими словами - просто говорят, что им надо продавать рекламу и оправдывать инвестиции при текущем состоянии шоу-бизнеса). Если давать призы за уровень и изощрённость обмана, то мы можем расположить наши три силы так:

1. «Генералы» от науки
2. Политики
3. Редакторы на ТВ и радио

(Прошу прощения за то, что вынужденно касаюсь третьей темы - политики, но это просто пришлось к слову).

И вот деятельность высокопоставленных лиц в науке я бы рассмотрел наиболее пристально. После анализа множества фактов я отношусь к некоторым из академиков РАН скорее как к удивительным существам какой-то негуманоидной расы, нежели как к живым людям, и уж никак не могу считать их учёными. Я могу понять некоторую логику, которая лежит в их действиях, но вот моральный аспект этих действий далеко выходит за пределы моего

понимания.

Политическая система Академии наук

Давайте рассмотрим архетип науки в России: авторитет Академии наук. Что это такое? В глазах обывателя это что-то вроде уважения мудрых старцев, заслуживших такое уважение. Уважать мудрость, конечно, надо, равно как и почтенный возраст. Но я хочу показать механизм, из-за которого преступления против морали становятся нормой в нашей науке, точнее, в том, что мы по привычке всё ещё называем наукой.

Итак, у нас есть Академия наук. Не будет большой натяжкой назвать эту организацию государственной корпорацией, в задачи которой входит распределение бюджетных денег по отдельным направлениям исследований, которые Академия считает наиболее приоритетными. Кто такие академики РАН? Это оплачиваемые позиции людей (человеку платят просто за то, что он академик), обладающих правом голоса в очередных выборах претендентов на звание академиков, а также в выборах президента и президиума РАН. Причём - заметьте - звание академика даётся пожизненно. Это, с одной стороны, приводит к постоянному увеличению числа академиков, а, с другой - к неуклонному повышению их среднего возраста, учитывая катастрофическое старение российской науки (молодёжь просто отказывается идти в науку, но об этом мы ещё поговорим).

Итак, кому стать академиком, решают исключительно другие академики. Кому же даётся это звание? Никогда не было секретом, что "академика" давали прежде всего руководителям от науки: ректорам ВУЗов, директорам НИИ, крупных оборонных наукоёмких предприятий, причём в основном партийным. Как несложно понять, все эти должности связаны с распределением бюджетных денег. И вроде бы логично, что именно управленцы должны договориться между собой, как распределять деньги на науку. Но такое положение вещей при некоторых условиях в конце концов приводит к коррупции и катастрофе. Этими условиями выступают: отсутствие контроля за деятельностью академиков, отсутствие моральных критериев при их выборах, и постоянное сужение научного кругозора академиков. Если выбирать в академики чиновников и хозяйственников со средними (не обязательно низкими!) моральными качествами, и не контролировать их деятельность, то неизбежна следующая ситуация.

Представим себе, что у нас есть ВУЗ, ректор

которого стремится стать академиком. Тогда сообщество академиков в лице тех структур в Академии, которые занимаются выдвижением в кандидаты (эта бюрократическая процедура является первым "слабым звеном"), может запросто ставить некоторые условия кандидатам. Условия могут быть самые разные - общие, типа лояльности интересам большинства в случае избрания академиком, и конкретные требования, например, не поддерживать те или иные "альтернативные" направления исследований у себя в ВУЗе. В условиях российских это оборачивается закрытием неугодных тем, увольнением неугодных учёных.

Этому есть вполне законное название. На языке юристов это - сговор. Более того, в условиях, когда руководство академии, вовлечённое в высшие эшелоны власти через государственные корпорации, может влиять на продвижение тех или иных программ (а, значит, и на их финансирование) по шкале приоритетов, соучастниками такого сговора становятся руководители тех академических организаций, которые и не стремятся стать академиками. Что самое ужасное в этой ситуации - в число соучастников вынужденно попадают и все научные работники уровня зав. лаба и выше, если они хотят сохранить свои позиции.

В результате мы имеем следующее разделение: есть клан "бессмертных", есть подконтрольная ему "партия власти", состоящая из менеджеров разных уровней, и есть нанимаемые на работу учёные. Состоящие в партии, т.е. зависящие от Академии административно и финансово через управленческую вертикаль, непосредственно влияют на наёмных работников административно и финансово. Это означает, что как во времена КПСС, некий высокопоставленный академик может одним телефонным звонком уволить того или иного работника в любой из академических научных организаций страны. В бизнесе это невозможно (если, конечно, это частный бизнес, и звонящий - не член совета директоров). КПСС не существует уже давно, но методы партийной диктатуры выжили и остались в РАН практически без изменений: влиятельный человек из Президиума звонит директору, говорит с ним "дружески, по-партийному", тот делает орг. выводы, и распоряжается уволить неугодного, закрыть тему, или сфальсифицировать результаты некоторых исследований. Взбунтовавшихся на уровне зав. лаба почти не бывает: кадровая политика также в руках "партийных" боссов. И уж совершенно нереальна ситуация бунта директора или его зама.

Ну хорошо, допустим, такие ситуации хоть и противоречат морали, но преступлением их называть как-то не принято. Есть ли здесь коррупция в привычном смысле? А вот это самое

интересное. Как Вы считаете, каков основной источник дохода типичного директора НИИ, ректора, или зав. лаба? Зарплата в НИИ или ВУЗе? Нет, не зарплата. В основном - участие в исследовательских программах через грантовую систему и систему комплексных программ исследований, когда исполнителем тех или иных научно-исследовательских работ выступают отдельные учёные (в случае грантов), либо целые научные центры как отдельные хоз. субъекты "под боком" у материнского НИИ или ВУЗа. Как Вы думаете, кто определяет, кому работать в таких структурах, кто ими руководит? Кто решает, кому выделять грант, а кому нет?

Как правило - представители "партии власти". Вам, наверное, становится понятна аналогия не только между политической системой СССР и РАН. Вырисовываются контуры текущего государственного устройства России: партия власти (уже без кавычек) захватила почти всю власть в стране, управляет руководителями различных уровней и как-то не торопится этой властью делиться. Последние выборы очень хорошо иллюстрируют это. Честные выборы никому в партии не нужны. Разговоры на кухнях мало что меняют. Даже ситуация 20-летней давности была куда как более демократичной. Есть от чего прийти в ужас. Ещё раз прошу прощения за скатывание в политику, но мы спустя 20 лет опять пришли к ситуации, когда при упоминании партии нет нужды говорить, о какой партии идёт речь.

Но это в политике, которая редко когда сочетается с моралью. Но наука как сообщество людей, которые занимаются поиском истины? Вот здесь мы приходим к очень печальному заключению. Как система распределения денег на исследования, наука у нас есть. Коррупцированная и партийная наука - другой в СССР по большому счёту она никогда и не была; как система она жёстко подчинялась силовым ведомствам и выполняла прежде всего оборонный заказ. Но может ли быть система распределения денег сутью науки?

Собственно, честный ответ на этот вопрос рано или поздно придётся сделать руководству страны, по крайней мере себе. В условиях достаточного финансирования отдельных направлений и в партийной науке были серьёзные достижения, как были они и в идеологизированном искусстве. Но заслуга эта целиком на людях, а вовсе не на системе. Теперь же талантливые люди практически вытеснены из нашей науки партийными бездарями. Текущая система представляет собой жалкую пародию на науку. Мне очень горько это говорить, но текущие попытки возрождения науки в России есть масштабное шарлатанство: попытка оживить разлагающийся труп.

Но, может быть, я сильно сгущаю краски, или даже клевету? В конце концов, ну какое дело какому-то академику до альтернативных направлений исследований? В некоторых случаях дело есть, и очень серьёзное.

Социальный заказ

Физика в настоящее время вплотную подошла к рубежу, за который нельзя продвинуться без переосмысления всей научной картины мира. Проявляется это в том, что растёт число результатов экспериментов и уже работающих технологий, объяснить которые нельзя с помощью стандартных теорий.

Некоторые из этих фактов очевидные, невероятные, и, прямо скажем, вопиющие. Например, в практику энергетики России постепенно входит продукция, которая имеет совершенно необъяснимое происхождение вырабатываемой в ней энергии: вихревые теплогенераторы, которые производят больше тепла, чем потребляют электроэнергии. Многочисленные акты испытаний говорят о том, что эффект есть: разные чудо-установки в разных режимах выдают от 120% до 400% (хотя есть конструкции вихревых установок и режимы, где никакого "криминала" нет, и коэффициент преобразования энергии не превышает 100%). Объяснить это пока никто не берётся, но многие хозяйственники среднего звена с удовольствием используют этот эффект: он позволяет экономить средства на отопление, и очень существенно, в нашей довольно холодной стране.

Кому это невыгодно? Понятно, что энергетические монополисты, чья прибыль напрямую зависит от того, сколько страна сожжёт газа, угля и мазута за долгую зиму, не заинтересованы в продвижении такой продукции. Некоторые академики полжизни твердили, что "торсионных полей нет", "холодный термояд не существует", и вообще с макроуровнем всё в физике понятно, а если что-то и найдётся новое, то только в физике высоких энергий и на космических масштабах. И, конечно же, те из академиков, которые понимают, что вот-вот запахнет жареным, и их любимые проекты термоядерного синтеза, которые уже 40 лет как должны обеспечивать мир неиссякаемой энергией, лишатся не только финансирования, но и кредита доверия - они не могут в этой ситуации смолчать, и объявляют не разрешённые ими эксперименты шарлатанством. Но зачем тратить миллиарды долларов на токамаки, которые работают в режиме генерации энергии, дай Бог, лет ещё через 40, если дешёвая энергия пусть непонятно как, но

производится с помощью электродвигателя, вихревой трубы, насоса и обычной водопроводной воды?

А теперь "следите за руками". В 2002 году РАО ЕЭС и Газпром учредили ежегодную премию "Глобальная энергия"³. Размер премии - 750 тыс. долларов, сейчас её лично вручает Президент Медведев. Каждый год премия делится между двумя-тремя лауреатами, российскими и зарубежными учёными. Премия предназначена для поощрения тех фундаментальных и прикладных исследований, которые существенно продвигают технологии производства энергии. Из России каждый год премию получает какой-либо академик, иногда два, некоторые академики после этого входят в попечительский совет. К настоящему моменту премию получили такие академики, как Месяц, Велихов, Алфёров - это, по большому счёту, первые лица в РАН. Анализ направлений исследований лауреатов этой премии показывает, что поощряются, прежде всего, традиционная ядерная энергетика, добывающие технологии (нефть, уран), водородная энергетика.

Вот смотрите: Газпром дал премию академику Евгению Велихову - главе российского термояда, директору Курчатовского института, и включил его в попечительский совет. Велихов, кстати, совсем недавно был избран председателем международного проекта ITER, который объединяет страны, желающие развивать термоядерную энергетiku, и тех учёных, которые ещё не разочаровались в её перспективах. Также премия была присуждена директору ITER, генеральному директору ЦЕРН Роберту Аймару.

Но термоядерная энергия - это "вечно-манящая даль", с каждой решённой проблемой на очередном этапе там появляется десяток новых. Которые, конечно, требуют для решения времени и денег. Времени - десятки лет. Денег - даже загадывать страшно сколько. Наверное, заслуги академика Велихова в этом направлении велики. Но при чём здесь новая энергетика? К какому прогрессу ведёт продолжение выделения миллиардов долларов на ITER, если сами участники проекта признают, что принципиальные технические проблемы могут быть решены только к середине столетия? За 40 лет, если цивилизация не погубит себя в экологическом апокалипсисе, может найтись какое-то другое решение энергетической проблемы, тем более что разрозненных свидетельств эффектов "свободной энергии" довольно много.

И вот этот момент перехода на новые источники надо во что бы ни стало отодвинуть подальше. Пока

ещё есть нефть и газ, который можно продавать, причём по всё более дорогой цене, и пока не закончились ресурсы урана. Вложения в реальные альтернативные источники энергии - это скорее закрытие существующих энергетических технологий, и те, кто живут с работы этих технологий, так просто не дадут их закрыть. Поэтому лучше показательно вкладывать деньги в то, что, скорее всего, никогда и не сработает.

В лучшем случае эта премия напоминает мне звёздочки Леонида Ильича Брежнева. Ну хорошо, а кому НЕ выдают эту премию? В 2004 году академик Алфёров, нобелевский лауреат, тогда - член Международного комитета премии "Глобальная энергия", гостил в лаборатории "Протон-21" Станислава Адаменко⁴. Это частное НИИ в Киеве, финансируемое местным олигархом (штат - около 100 человек, сумма инвестиций за 10 лет - более 10 млн. долларов), и изучающее невероятные с точки зрения стандартных физических теорий низкоэнергетические ядерные реакции. В результате обстрела пучками электронов медных мишеней в вакууме те взрываются, в результате взрыва образуются другие химические элементы, и выделяется энергия, многократно превышающая подведённую.

Эти результаты идут вразрез со всем, что видела до сих пор ядерная физика. С 2000 года проведено порядка 10 тыс. экспериментов, их результаты опубликованы в ведущих физ. журналах, в издательстве Springer в 2007 году вышла книга со статьями экспериментаторов. Мне кажется, группа Адаменко на голову опережает все другие команды по "холодному термояду". По крайней мере, их результаты стабильны, успешные эксперименты проводятся практически каждый день, в лаборатории работают люди из ведущих ядерных центров Украины, вместе с ними - совсем молодые физики. А когда около 30% вещества мишени превращаются в элементы почти всей стабильной части таблицы Менделеева, говорить об эффекте как об ошибке эксперимента просто смешно. Прощаясь с учёными лаборатории, Жорес Алфёров сказал, что он восторге от их результатов, но что в этой области он не специалист, и просто желает им успеха.

Ещё один пример. Недавно от одной уральской научной группы, получающей с середины 90-х годов интересные экспериментальные результаты в металлургии, я услышал замечательную историю. Их технология позволяет с минимальными затратами существенно повышать качество металла в промышленных плавках. Она позволяет делать выплавку стали с характеристиками стали

³ <http://www.ge-prize.org/ru>

⁴ http://www.proton21.com.ua/index_ru.html

легирующей, но без добавки дорогих легирующих металлов - никеля, магния и т.д. Также сокращается время термической обработки, а значит, и энергозатраты. Объяснения стандартными теориями работа этой технологии не имеет, а сами исследования продолжают направление экспериментов с торсионными генераторами А.Е.Акимова, которые велись с конца 80-х годов в СССР по комплексной программе исследований (а у нас "торсионных полей нет" - помните?). Так вот, история заключалась в том, что после этапа НИР на некотором металлургическом предприятии, который показал хорошие результаты применения этой технологии, директор этого предприятия был снят, а эту научную группу попросили туда больше не приезжать.

Причины такого поворота событий можно, конечно, предполагать разные, но давайте здесь гадать не будем, а расслабимся и просто пофантазируем на более общую тему. Если вдруг появится технология, раз и навсегда отменяющая необходимость "топить ассигнациями", то что будут делать нефтедобывающие компании? Что будут делать страны, живущие исключительно за счёт экспорта нефти и газа? Если будет создана технология, которая раз и навсегда отменит потребность в добыче больших количеств никеля, то куда девать, к примеру, город Норильск? Если будет создана технология, делающая ненужной ядерные реакторы и урановую индустрию, тесно связанную, кстати, с производством оружейного плутония, то что будет делать Росатом? Если будет найден способ очень дешево повышать иммунитет человека, кому станут нужны фармацевтические компании, получающие прибыль, только когда люди болеют? Если возможно будет управлять скоростью распада радиоактивных материалов, и не надо будет ввозить в Россию радиоактивные отходы для захоронения, то что будут делать те, кто не получит миллиарды долларов за эту работу?

И если на обложке «Science» будет написано о том, что низкоэнергетические ядерные реакции всё-таки существуют и хорошо воспроизводимы, у лазера открыта неэлектромагнитная компонента излучения, и поля кручения экспериментально зафиксированы в лабораторных условиях, как будет выглядеть наша Академия наук с её Комиссией по борьбе с лженаукой?

Разложение

Давайте условно назовём этот набор необъяснимых и невероятных экспериментальных результатов и тех, кто их получил, новой наукой. Если, конечно, все эти результаты - не масштабный заговор тысяч

учёных, напрасно обидевшихся на официальную науку и публикующих эти невероятные результаты в отместку. У новой науки, видимо, есть некоторое количество "заклятых друзей", все они как на подбор - богатые отрасли, как правило, монополисты с государственным капиталом. И эти силы легко находят между собой общий язык.

Но у новой науки есть некоторое количество сторонников, которым она может дать практически бесплатную энергию, решение основных проблем экологии и здоровья. Потенциально этих сторонников несколько миллиардов. Но эти несколько миллиардов надо для начала информировать, что такие результаты есть. А средства массовой информации в руках тех, кто имеет ресурсы, т.е. тех же монополий. И они делают всё возможное, чтобы представить исследователей в неприглядном свете, опускаясь до клеветы и оскорблений⁵.

Вообще-то ситуация кажется безнадёжной. Или, может быть, ситуация выправляется? Ведь борются же с коррупцией на государственном уровне - вот и Президент Медведев наконец решил сказать народу правду о том, что у нас есть коррупция. Однако и здесь пока ответ отрицательный - признаков исправления не видно.

Хорошим показателем здоровья нашей науки может быть приток талантливых молодых людей. Ещё один показатель - стремление работать в российских научных организациях учёных из международного научного сообщества, в том числе наших бывших соотечественников. Мы не видим у нас в науке ни тех, ни других. И их заставляет выбирать более достойные места не только низкая зарплата российского учёного.

В сложившейся системе сейчас три основных категории людей: а) примкнувшие к "партии власти" и живущие по её законам, б) бездари и лентяи, которые нигде больше не нужны и в) подвижники, которые с трудом, но всё ещё делают что-то новое и оригинальное среди унылого пейзажа, и при этом умудряются по крайней мере не воровать и не лгать. Как нетрудно видеть, только третьи могут называться учёными, и только они могут служить фундаментом науки. Но как раз эта категория постепенно из науки вымывается. Первые живут по волчьим законам и существуют благодаря несправедливой системе распределения денег. Вторые ничего не делают, получают своё пособие, и это их устраивает. Третьи реально

⁵ Из недавних событий: фильм «Шарлатаны» по РТР (<http://www.rutv.ru/video.html?vid=40820&d=0>) и комментариев к нему «обвиняемых» (<http://ecoteco.ru/?id=1279>)

работают, но как только их результаты выходят за красные флажки, установленные РАН, на них набрасывается Комиссия по борьбе с лженаукой. И если эти учёные не смогут как-то договориться полюбовно со своими начальниками, они оказываются на улице.

В Дубне живёт физик, выдвинутый на Нобелевскую премию - Фангиль Гареев, открывший в 1966 году остров стабильности в области трансурановых элементов. После выдвижения руководство института перевело его на полставки. Гареев подал в суд, и суд он выиграл. Теперь Гареева просто уволили. А в чём дело? Видимо, в том, что его теоретические исследования последних десятилетий идут в направлении объяснения низкоэнергетических ядерных реакций, и вес Гареева в среде профессиональных ядерщиков очень велик. А зачем Академии наук человек, который работает над объяснением явления, которого, по официальной позиции РАН, просто не бывает?

Ради Бога, не подумайте, что говоря «академик», я имею в виду всех академиков и гребу всех под одну гребёнку. Конечно, есть в Академии честные люди и среди академиков, и среди член-коров, но, к сожалению, они не могут повлиять на систему в целом. К тому же из истории советской науки известно, что звание академика не спасало от репрессий и опалы. Среди академиков АН СССР были те, кто обладал особыми полномочиями, работая в органах госбезопасности, и они могли запрещать публикации, инициировать преследования, снимать неудобных, в том числе и других академиков.

Итак, мы имеем государственную науку, в которую сколько не вливай денег - до реальных открытий, существенно меняющих технологический уклад, дело в любом случае не дойдёт. Учёные должны уметь признавать свои ошибки, но наши «научные генералы» выше этого. Но есть ли что-то ещё?

Да, есть множество исследователей, занимающихся наукой в частном порядке, на негосударственные источники. Некоторую часть таких людей составляют грамотные учёные-одиночки, которые в силу оригинальности своих идей или невероятности экспериментальных результатов не получили ни поддержки, ни понимания среди научного сообщества, и постепенно ушли из официальной науки, поскольку там им ничего не светило.

Ещё в неофициальной науке много людей, имитирующих научную деятельность, те, кого сложно называть учёными, поскольку они не придерживаются научной методологии, хотя иногда и получают оригинальные результаты. (Такая

категория, кстати, не редкость и в академической науке: подгонка результатов эксперимента под существующие теории - это, увы, слишком частая практика). Грань между первой и второй категорией постепенно размывается, и обычному человеку, не специалисту в данных конкретных областях, действительно сложно решить, где заканчивается гениальность и начинается сумасшествие или шарлатанство.

Часто бывает так: получив удивительный и необъяснимый экспериментальный результат, исследователь начинает искать ему объяснение, и разрабатывает пусть никуда не годную по научным критериям, но свою теорию. Упорствуя в такого рода "теории", он в результате дискредитирует и свои экспериментальные результаты - никто просто не верит "в этот бред", даже те немногие собраты по несчастью, которые независимо и также случайно получили такие же результаты, и тоже хотели бы знать, что они означают.

Всё это идёт на фоне острой нехватки финансирования, и часто граничит с паранойей исследователей по поводу того, чтобы никто не узнал некое ноу-хау, лежащее в основе новых технологий, о которых, конечно же, исследователи спешат объявить. Иногда такой революционный экспериментальный результат лишь артефакт и результат плохо поставленного эксперимента. Иногда это и правда новое фундаментальное явление. Но чтобы отличить одно от другого, нужны серьёзные деньги, которые только в редких случаях удаётся найти. Открытие случается только после того, как исследователь всесторонне критически рассмотрел все свои возможные ошибки и вынес свои результаты на обсуждение научной общественности, ничего не скрывая. Прорыв наступает после многолетней честной работы учёного, часто полной неудач и разочарований. А обеспечить такую многолетнюю работу может только государство (пример лаборатории Адаменко - редкое исключение). Но именно государство в лице РАН делает всё возможное, чтобы альтернативщики не получали денег на исследования.

Итак, кран распределения денег на науку - в руках одряхлевшей Академии, за процессом пристально следят монополии, которым новая наука невыгодна, а силы альтернативщиков очень малы и разрозненны.

Здесь я снова задаю этот вопрос: так что же делать?

Часть 3. Наука как масс-медиа

Посмотрите, какое радио слушают люди старше 40. Это в основном "Радио ретро". Люди не хотят слушать новых песен, они хотят хорошо знакомого, привычного. Вспомним, какой успех имели новогодние "Старые песни о главном". Причём среди песен советских лет действительно много прекрасных. А есть ли такие песни, помогающие строить и жить, сейчас? Я утверждаю, что есть, и их на порядок больше того, что может услышать человек с радиоприёмником или перед телевизором. Есть группы, заводящие и взрывающие любые залы. Есть прекрасные голоса, есть блестящие инструменталисты, есть авторы песен, которых хочется слушать снова и снова. Но они пребывают в информационном вакууме.

Есть у нас и полная противоположность "Радио-ретро". Например, "Аэростат" - передача Бориса Гребенщикова на "Радио России" раз в неделю. Музыкальные "бриллианты" - от Баха до самых безбашенных электронных экспериментаторов современности, заботливо, и при этом совершенно субъективно отобранные Гребенщиковым, настолько отличаются от всего того, что обычно звучит в эфире даже этого радио, что уже сам факт существования такой передачи несёт просветительский эффект. И, в отличие от шоу-бизнеса, здесь нет никакой обратной стороны: Гребенщикову просто хочется делиться найденными сокровищами, о существовании которых иначе никто в нашей стране и не узнает, а у руководства "Радио России" такая позиция вызывает понимание. Напротив, "Радио-ретро" - это постоянная выдача в эфир того, к чему привык потребитель, принципиально не желающий ничего нового, а радиостанции типа "Русского радио", хотя и ставят новинки, но это те же старые шаблоны, перекошенные на новый лад.

Некоторая аналогия с "Радио-ретро" и "Аэростатом" - научная печать. Если Вы откроете любой центральный научный журнал, вы обнаружите, что наука полным ходом изучает новое. Постоянно совершаются открытия. Идёт продвижение на всех рубежах, и никакого ощущения застоя в науке вы не получите (кстати, центральный физический журнал России так и называется - "Успехи физических наук"). Но это до тех пор, пока вы не познакомитесь с некоторыми результатами исследований, которые в академических изданиях не печатают. Потому что каких-то два-три новых надёжно установленных факта, требующие пересмотра основных теорий, делают неуместной всю эту видимую научную активность. Если Вы случайно нашли клад в тёмном дворе, кем покажутся вам хорошо оплачиваемые люди, ползающие под светом прожектора на центральной площади, чтобы найти потерянный пятак? Но нам пытаются доказать, что

эта перерытая вдоль и поперёк площадь - и есть весь мир.

То, чему нас учили в школе и институте в естественных науках - это в основном свод законов дай Бог середины XX века. Но за последние 50 лет накоплено много новых фактов, которые в этот свод не умещаются. Эти законы им тесны, а новых не создано. Физики признают, что последние 25 лет в фундаментальной физике продолжается период стагнации: ни одной по-настоящему новой физической идеи, подтверждённой в эксперименте, не выдвинуто, и это при постоянном накоплении аномальных результатов экспериментов. Люди привыкли к существующим моделям и не желают смотреть на новые факты, которые из этих моделей выпадают. Люди привыкли слушать старую музыку и не желают даже смотреть в сторону новой.

Наука как масс-медиа - эта идея, услышанная мной лет десять назад от моего научного руководителя А.С.Нариньяни, казалась мне каким-то диковинным софизмом, пока я не познакомился поближе и с шоу-бизнесом, и с наукой во всей их красе. Действительно: существует раскрутка некоторых направлений для получения финансирования (примеры - термояд, нанотех). Есть цензура в академической научной печати, есть монополизация информационных каналов, чтобы транслировались только разрешённые темы, а темы альтернативные подавать только с определённой стороны - для их дискредитации в глазах общественности.

Я не слышал, чтобы в современном российском шоу-бизнесе велись атаки на каких-либо музыкантов или художников - это осталось в советском прошлом, хотя какие-то симптомы этого явления у нас остались. Но российская наука оставалась все эти годы в совершенно тоталитарном состоянии, и безнаказанная травля академической мафией отдельных учёных - вещь здесь настолько привычная, что многие даже не понимают, а может ли быть иначе. Здесь привыкли действовать, говорить и даже думать рефлекторно с оглядкой.

Иногда сочетание политических методов, а также методов, характерных для масс-медиа с элементами пропаганды, полностью затмевают научные методы, и чем выше уровень учёного в иерархии, тем меньше науки, тем больше политики. Но самая суть обмана, при этом неизбежно возникающего, по-моему, никому даже не приходит в голову. Дело в том, что когда какой-то академик что-то утверждает в средствах массовой информации, он воспринимается, как учёный. "По словам академика А, ..." - это значит, "очень грамотный и авторитетный учёный считает, что ..." Но, к

сожалению, в большинстве случаев академик А при этом всего лишь решает политические и денежные проблемы Академии, лоббирует те или иные направления исследований, борется с неугодными ему альтернативными направлениями, или старается скрыть свои старые грешки. Т.е. выступает политиком, а не учёным. У большинства создаётся впечатление, что он компетентно говорит от лица науки как эксперт в некоторой области. Но это грандиозный обман, когда под маской науки скрывается реклама, пропаганда или политика.

Столбы и деревья - эта метафора есть и в науке тоже. Природе наплевать, какие законы физики написаны в наших учебниках. Она такая, какая есть. Мы же своими моделями столбов пытаемся описать живые деревья. Во многих задачах это работает. Но, похоже, наше текущее понимание устройства мира крайне несовершенно. Поразительнее всего здесь то, что мы можем пользоваться "деревьями", не понимая, как они устроены. Мы можем уже сейчас применять технологии, случайно найденные, как в Зоне "Пикника на обочине", без малейшего понимания, как они работают. Ирония момента заключается в том, что, похоже, именно эти технологии могут спасти цивилизацию, с тупой уверенностью шагающую к пропасти. Наш технологический уклад надо срочно менять на новый, и времени на теоретическое осмысление новых явлений, похоже, уже не осталось.

Между тем, если смотреть на вещи позитивно, музыка и физика иногда неплохо сочетались в одних тех же людях. Альберт Эйнштейн музицировал на скрипке, Вернер Гейзенберг прекрасно играл на фортепиано, Ричард Фейнман замечательно барабанил, Эрвин Ласло является признанным в среде музыкантов мастером. Понимание тонких закономерностей в явлениях природы у учёных, и чувство гармонии у музыкантов не настолько далеко находятся друг от друга, как это может показаться на первый взгляд. Физики и лирики рассматривают разные грани одного и того же мира, и очень часто в биографиях великих учёных есть момент серьёзного выбора между наукой и искусством. Для этих людей характерна оригинальность мышления и независимость - черты, отличающие гения от просто профессионала.

Часть 4. Что делать?

Но вернёмся к поставленному вопросу. Российская интеллигенция уже давно ищет ответ на этот вопрос, а я ещё и продублировал его применительно к двум совершенно разным темам, правда, как мне кажется, глубинно схожим.

До сих пор я смотрел на ситуацию как бы снаружи, и ставил диагноз. Диагноз, увы, безрадостный. Но теперь я хочу спросить: а что же делать конкретным музыкантам или учёным? Вы - классный музыкант, пребывающий в информационном вакууме? Но ведь хорошо известно, что настоящий гений рано или поздно найдёт дорогу к благодарным слушателям, зрителям или читателям. "Делай что должен, и будь что будет" - другого рецепта, в общем-то, никогда и не было. Вас не берут на радио? Ну и что, зато вы - звезда на неформатной сцене и можете объехать полстраны, выступая с квартирниками и продавая диски. Выкладывайте записи в Интернет, пусть расстояние до вашей музыки сократится до одного клика - будьте так щедры. Пройдёт время, и к вам повернётся фортуна. Только живите дольше, не прекращайте выступать и записывать, и следите за здоровьем.

Ваш революционный результат в науке не замечают и дают от ворот поворот в научных журналах? Продолжайте упорно добиваться всё большей чистоты эксперимента, несмотря на полное отсутствие финансирования. Голь на выдумку хитра, а самые большие открытия совершались на не самом сложном для своего времени оборудовании. Сделайте образцовую по качеству статью и выложите её в Интернет. Люди, которые занимаются данной проблемой, обратят на неё внимание: настоящим учёным куда как важнее качество научной работы, нежели то, где она опубликована. Разошлите её ведущим специалистам в этой области с тактичной просьбой ознакомиться. Мир держится на честных людях, а то, что наверху больших систем сидят люди некомпетентные и неэтичные - ну так Бог им судья. Если вы открыли истину - не жмитесь, поделитесь ею с миром, станьте проводником этой истины, а не её очередным тюремщиком. И опять-таки, живите как можно дольше, и тогда у вас будет шанс на склоне лет получить Нобелевскую, особенно если ваше открытие поможет сохранить цивилизацию.

Мир устроен предельно справедливо. Эта максима, если её понять, может открыть очень многое. Если в мире очень много вещей, которые сложно считать справедливыми, это совсем не означает, что эта максима неверна. Это просто означает, что каждый в любую эпоху занимается тем делом, которое он делает лучше всего. Волки гоняются за зайцами. Охотники гоняются за волками. Птицы летают. Воры воруют. Нытики ноют. Творцы творят. И каждый волен заниматься тем, чем он хочет.

Если какой-то чиновник от науки, будучи бездарностью и клеветником, позволил себе сказать что-то нелестное и несправедливое в ваш адрес - ну что ж, поблагодарите его за рекламу, и

продолжайте делать своё дело - искать истину. Если какой-то (очередной) программный директор наотрез отказывается иметь дело с вашими песнями - ему же хуже, о нём никто не вспомнит спустя годы, а против настоящей красоты время бессильно. Время всегда работает на истину и красоту.

Если вы сосредоточитесь на том, что только есть в мире несправедливого, вы и будете неизменно получать всю мировую несправедливость. Если вы настроитесь на благодарность и будете искренне говорить спасибо миру - он не заставит себя ждать. Самое, пожалуй, ценное в этом подходе - это его сугубая прагматичность. Этот метод работает на практике. А вот метод нытья и жалоб на то, что всё устроено как-то не так - это проверенный способ провалить операцию "помощь Бога".

Всё это - лишь руководство к действию для людей с искрой Божьей - музыкантов, учёных, предпринимателей, художников, изобретателей, прочих людей, которые не как все, которые хотят странного. У творцов вообще нет такого вопроса - что делать, покуда они - настоящие творцы.

Но мир не состоит сплошь из творцов. Есть ещё и люди, считающие себя "обычными людьми". Что делать им? И вообще, стоит ли перед ними такой вопрос - "что делать"?

Для общества и человека характерен некоторый уровень культуры. Культура неизбежно опирается на этический фундамент. Наука и искусство (физика и музыка - их отдельные грани) отражают прежде всего состояние этого фундамента. Если фундамент гнилой, любое здание на его основе будет полезно лишь как назидание потомкам.

Образование, технологии, здравоохранение, предпринимательство - всё это стоит на одном и том же фундаменте. Те, кто считает, что этика науке не нужна, или что шоу-бизнес - это концерты под плюс-фонограмму, что в здравоохранении нужно зарабатывать не на здоровье нации, а на её болезнях, упускают из виду один очень важный момент: любая, даже самая малозаметная деятельность без нравственного начала не может быть ни полезной, ни даже нейтральной, она неизбежно идёт во вред.

Поясню эту мысль. Общество состоит из различных систем. Министерство транспорта или здравоохранения, Газпром или пенсионный фонд - все эти системы преследуют некоторые цели. Но декларируемая цель таких систем не совпадает с реальной. Декларироваться может всё что угодно, но реально эти системы занимаются получением прибыли их участниками, часто - любой ценой. Де-юре эти системы должны предоставлять полезные

сервисы для людей и предприятий, но де-факто сейчас всё не так, всё поставлено с ног на голову: эти системы - феодальные замки, собирающие феод.

Любой, кто действует бездумно, без чётких этических критериев, и без понимания, зачем, что и для кого он делает, как правило, становится винтиком в этих системах, и включается в производство для достижения их целей. Если вы чиновник и не воруете, но за вас это делает чиновник выше, и вы это знаете и молчите - значит, вы соучастник воровства, нравится вам это или нет. Если вы работаете на предприятии, выпускающем некачественную продукцию, взятками добивающемся госзаказов, и наводняющем страну своим браком - вы всё равно несёте ответственность, даже если ваши "пуговицы" пришиты как надо. Как тут ни оправдывайся, но выбор - участвовать или не участвовать, всегда есть. И это нравственный выбор.

Человек, считающий, что он отказывается от выбора, на самом деле делает его по-умолчанию. Он молчаливо соглашается с выбором системы, в которую он встроен, и льёт воду на её мельницу. Вопрос "что делать" для обычного человека (а творцы ведь тоже большую часть времени - обычные люди, они также работают по найму, являются начальниками и подчинёнными, детьми и родителями, перед ними тоже стоит проблема хлеба насущного) - этот вопрос трансформируется в два других вопроса: "принимать ли ответственность?" и "делать ли выбор?". Но до этих вопросов надо ещё дорасти. И, однажды приняв ответственность, человек становится неуязвим для любых систем: он знает, что он теперь может выйти из любой из них - от компании побутальянников до организованной религии. Тогда он становится свободным, и, как неизбежность - творцом: как минимум, творцом собственной жизни.

Но существует ещё один, и очень интересный вопрос.

Часть 5. Что будет?

Мы всегда хотим знать, чем закончится та или иная история. Жизнь, в отличие от книги или фильма, не имеет конца, даже если для каждого конкретного игрока его партия рано или поздно завершается. Но это чертовски интересно - попробовать предугадать, чем обернётся конкретно этот момент - ростом или спадом, чем разрешится очередной кризис - смертью или выздоровлением.

Есть люди, задающие этот вопрос праздно. Но есть

те, для кого умение прогнозировать развитие сложных систем, какими являются наше общество и культура - это их работа. Есть люди, стоящие во главе этих больших систем. И если они там находятся с целью как-то положительно повлиять на ситуацию, а не отмотать очередной срок с некоторым профитом для себя лично или для тех групп, которые их туда поставили, то вопрос "что будет", т.е. вопрос прогноза и сценарного развития, для них очень актуальный.

Вернёмся к этическому фундаменту. Есть люди, которые принимают его в расчёт, и они стараются не врать, не воровать, не делать деньги на наркотиках, не фальсифицировать результаты исследований, не петь под фонограмму. Есть остальные. Я не знаю, меняется ли соотношение этих двух категорий в разные времена. Но в разное время люди с разными моральными качествами оказываются в разных местах. Прогресс общества определяется тем, что оно делает со своими "святыми". В 1937 году они оказывались в лагерях. Сейчас - они просто не востребованы обществом, они рассеяны. Это не самая плохая ситуация.

Нравственное начало - это отличие меньшинства честных перед большинством не очень честных или нечестных. Это то, что отличает искренность человека, который готов привозить гору аппаратуры в другой город, и полный состав музыкантов для того, чтобы отыграть живём часовой концерт, от человека, который делает вид, что поёт, раскрывая рот под фонограмму. Именно уровень нравственности и культуры заставляет учёного признавать свои ошибки, и ставить научную истину впереди денежных интересов и вопросов политики, даже если это может стоить ему места работы и возможности продолжать поиск истины в нормальных условиях.

Культура в широком смысле - это осознание ценности самого человека, его жизни, его достоинства - любого человека, от Президента до бомжа, независимо от его религиозных воззрений и политических установок. Вот с этой культурой у нас всё довольно плохо, и то, что мы видим в шоу-бизнесе, в науке, в остальных сферах - лишь следствие этого.

В конечном счёте, есть только два направления развития общества: *от* нравственного начала и *к* нравственному началу. А это направление определяется тем, где в общественных, государственных и коммерческих системах находятся нравственные люди - носители подлинной культуры.

Нет нужды говорить, что сегодня в государственных системах таких людей - чем выше

по иерархии, тем меньше. Нет механизма, чтобы такие люди шли в эти структуры и оставались в них, зато есть механизм прихода и продвижения наверх других, вполне определённого склада, людей.

Можно моделировать сценарии развития каждой области общественного устройства. Можно рассматривать приоритеты разных направлений. Можно, и рано или поздно придётся заниматься переводом страны на принципиально новые технологии. Можно, наверное, даже реформировать РАН и МВД. Но всё это без построения этического фундамента будет очередной временной хибарой. Конечно, при наличии фундамента необходимость грамотных архитекторов не исчезает. Но вот уже много десятилетий мы живём в стране, где нет этого фундамента, и мы забыли о том, что он нужен. Мы привыкли к этому, и не понимаем, почему всё вокруг рухнет. Но рано или поздно это придётся понять.

Поэтому есть только два сценария развития нашего общества - с пониманием важности этического начала, причём без всякой связи с конкретными религиозными или политическими установками, и без такого понимания. Куда ведёт второй путь, мы уже видим - мы давно по нему идём, и, в общем-то, уже пришли.

А куда ведёт первый путь? Я очень надеюсь, что мы когда-нибудь узнаем и это.

Декабрь 2009 г.